Первый пролог.

Москва, 10 июля 1918 года.

Огни вокзала остались позади. Как только пленные зашагали по переплетающимся рельсам запасных путей, полк растянулся, растворяясь в ночи. В лунном свете золотом вспыхивали погоны обезоруженных офицеров.

Молодой прапорщик — юноша с тонкой шеей, болтающейся в жёстком воротнике кителя — заметно обессилел. Ледневский чувствовал, как налилась тяжестью рука, которой тот опирался о плечо Евгения.

Неожиданно показались спины впереди идущих; колонна замедлила движение, затем остановилась совсем. С запозданием послышалась команда — «Стой! Нале-во!» Поручик огляделся. Голова колонны упёрлась в полосатую перекладину тупика. Справа возвышалась насыпь с проступающими за ней очертаниями пакгаузов. Прямо перед строем лежал испещрённый рельсами широкий участок земли.

Вдалеке возникли жёлтые точки огней, и скоро из темноты медленно выполз небольшой состав. Толкая перед собой всего четыре вагона, между которыми была втиснута открытая платформа, состав шёл по тому самому пути, перед которым стоял полк. Пыхтенье паровоза заглушило звук автомобиля, появившегося со стороны пакгаузов. Рядом с водителем сидел человек в кожаном реглане. Вокруг его горла был обмотан неопределённого цвета шарф. Время от времени человек недовольно морщился, дотрагиваясь до шарфа рукой. Подъехав к насыпи, автомобиль остановился. От группы конвоиров отделилась кряжистая фигура матроса. Он легко взбежал по насыпи и, заломив бескозырку, на околыше которой блестели слова «Черноморский флот. Миноносец «Жаркий», не спеша направился к автомобилю. Пассажир с повязанным шарфом вылез из авто, двинулся навстречу. Лихо козырнув, матрос подошёл вплотную, доложил с напускным удальством.

— Всё в порядке, товарищ Артюхин! Доставил почти в полном составе.

Тот, кого матрос назвал Артюхиным, снова поморщился. Дотронулся до шарфа, болезненно сглотнул, спросил сорванным голосом.

— Что значит «почти», Ганич?

— Полковник ихний пулю себе пустил. Вот и получается...

— Луконин застрелился? — живо перебил Артюхин.

— В натуральном виде. Не иначе, на тот свет торопился. Потому и получается «почти в полном».

По лицу Артюхина промелькнула тень недовольства; ни сама новость, ни весёлый тон матроса его не обрадовали.

— Он один знал, куда и зачем направлялся полк. Вам же ясно поставили задачу, а вы? — Артюхин еле сдержался. — Плохо, Ганич.

— Ничего плохого, — гнул своё матрос. — Одной контрой меньше.

— Быстро вы на суше пообвыклись.

— Не по своей воле землю топчем, — Ганич свернул самокрутку, глядя на Артюхина, с вызовом затянулся. — Партия сказала затопить флот — затопили. А «их благородиев»

на наш век хватит. Теперь вот, значит, вам, чекистам, помогаем эсеров разбить. Революции без нашего брата-матроса никак.

С довольной ухмылкой он вытащил из-за пазухи плотный свёрток, протянул Артюхину.

— В одном из вагонов нашли. Спрятали на совесть.

Чекист взял пакет, но разворачивать не стал, а положил за пазуху.

— Ладно, помощник. Пошли.

Артюхин подошёл к краю насыпи, постоял, глядя на офицерский строй, начал спускаться. Ганич следовал, не отставая.

На противоположной стороне путей диакон Владимир вёл под уздцы лошадь. На телеге, заполненной дровами, сидела внучка диакона Вера — девочка одиннадцати лет. Кроме широкого пространства в паутине рельс от скопления людей их отделяли полуразбитые вагоны, теплушки и платформы, сплошной стеной тянувшиеся по ходу движения. Диакон ещё издали увидел странный состав, остановился: время неспокойное, не то, что за дрова, просто за рясу могут к стенке поставить. Повернулся к внучке, приложил палец к губам. Та хотела было привстать, но отец Владимир строго глянул — сиди, мол! Приблизился к вагону, намотал на скобку вожжи, через выбитую доску глянул на ту сторону. Плохо было видно, но штыки и безоружных офицеров разглядел. Поманил рукой, чтобы девочка нагнулась к нему, шепнул:

— Тихо. Переждать надо.

Увидев, что человек, подъехавший на автомобиле, подошёл к строю, Ледневский повернулся к прапорщику.

— Я сейчас.

Улыбнувшись, тот виновато снял с плеча руку и Ледневский двинулся вперёд. Кто-то из матросов, увидев вышедшего из строя офицера, коротко свистнул, перехватил винтовку, и уже собирался преградить путь, но Артюхин просипел «отставить», и матрос остался на месте.

— Поручик Ледневский. Я бы хотел обратиться, — сказал офицер, приблизившись.

— Я вас слушаю.

— С кем имею честь?

— Продолжайте.

— Нас конвоируют вторые сутки. Люди не ели. Кроме того, есть больные.

— Как только пройдёте регистрацию в спецпункте, сразу получите всё необходимое. Встаньте в строй.

В темноте Ледневский не мог разглядеть хорошенько, да и человек этот, ответив, сразу же отвернулся, но в его глазах офицер уловил какую-то странность. Ледневский вернулся на место, рука прапорщика снова легла на плечо, а промелькнувшее выражение в глазах человека с шарфом на шее не давало покоя.

К Артюхину подбежал Ганич. Воровато зыркнув по сторонам, проговорил негромко:

— Время, товарищ Артюхин. Нам до рассвета в другом месте нужно быть.

— Ещё десять минут. Я буду говорить, а вы повторяйте. Погромче.

— Зачем это? — недобро прищурился Ганич. — Только горло зря тереть.

— Делайте, что вам говорят!

Играя желваками, Ганич вскочил на платформу, закричал, обращаясь к пленным:

— Советую всем внимательно слушать!

Матрос наклонялся, чтобы выслушать чекиста, затем снова выпрямлялся во весь рост на платформе и зло выкрикивал:

— Ваш офицерский полк не успел принять участие в кровавом эсеровском мятеже!.. Поэтому, от имени партии большевиков!.. Вам, господа деникинцы, предлагается перейти на нашу сторону!..

Ганич в очередной раз наклонился к Артюхину, но тот помотал головой — всё сказано. Медленно разогнувшись, матрос прокричал, охватывая взглядом офицеров:

— Желающие, три шага вперёд, шаго-о-ом, арш!

Наступила тишина, нарушаемая равномерным пыхтением паровоза, но строй остался недвижим. Ганич поправил гранаты у пояса, глянул на Артюхина.

— Всё, кажись... Ехайте, товарищ Артюхин. А мы уж тут дальше сами.

Артюхин бросил папиросу, рванул шарф и быстрым шагом направился к насыпи, за которой стоял автомобиль.

Матрос взглядом нашёл кого-то из конвоя, еле заметно подмигнул и закусил зубами ленточку на бескозырке.

Отъезжая, затарахтел автомобиль.

Ганич спрыгнул на землю и, отметив, что его подопечные уже взбираются по насыпи, побежал к паровозу, из окна которого беспокойно выглядывал пожилой машинист. Забравшись по лестнице внутрь, Ганич удостоверился, что весь конвой уже стоит на самом верху, и только тогда повернулся к машинисту.

— Задраить люки, отец!

— Чего несёшь-то? Какие такие люки?

— Как говорили у нас на «Жарком» — свисти, дядя!

Машинист перекрестился, взялся за промасленный шнур тифона, медленно потянул вниз.

Звук сигнала ещё не набрал силу, а двери всех четырёх вагонов громыхнули, сдвигаясь в сторону, и кровавые огоньки пулемётных стволов, стоящих внутри, зашлись, в упор поливая свинцом безоружных людей. Протяжный гудок и смертоносный хор пулемётов взрезали крики человеческой боли.

Диакон едва успел схватить дёрнувшуюся от пулемётной пальбы лошадь. Вера, которая с ужасом смотрела на кровавое зрелище, дико закричала, захлёбываясь плачем. Отец Владимир бросился к девочке, зажал рот рукой, стащил с телеги, силой затолкал в вагон. Оба оказались на полу. Извиваясь всем телом, помогая ногами, диакон волочил девочку по полу, стараясь доползти до угла. В какой-то момент Вера сильно вздрогнула, протестующе замычала в зажатую ладонь, как будто хотела что-то сказать, но священник продолжал ползти вглубь вагона. Почувствовав спиной шершавые, полуразбитые доски угла, Вера подтянула ногу с кровяной ссадиной на коленке. Размазала ладошкой кровь, стала быстро шарить вокруг себя по соломе, смешанной с грязью и лошадиным помётом. Скоро девочка наткнулась на какой-то предмет. Вытащила, поднесла к глазам.

В её руке была зажата лошадиная подкова. С одного края железяка заканчивалась остриём, у неё не хватало нескольких сантиметров.

Оглушив наступившей тишиной, разом смолкли пулемёты и паровозный гудок. Со стороны состава послышалась какая-то команда. Вслед за этим коротко захлопали одиночные выстрелы. Так продолжалось ещё несколько минут. Наконец, паровоз воровато свистнул и побежал прочь, утаскивая за собой вагоны со смертоносной командой.

Диакон и Вера сидели, не двигаясь, пока его звуки не стихли. Чувствуя, как ребёнок дрожит всем телом, отец Владимир убрал руку, всё ещё сжимавшую девочке рот, проговорил:

— Теперь уходи.

— А в-в-вы как же, деда?..

— Давай выбираться, — он поднялся, подошёл к дверям, спрыгнул на землю и протянул руки. — Ну? — Легко снял ребёнка, поставил на землю. — Дорогу найдёшь?

— Найду... А дрова как же?

— Ступай!

Вера прижала подкову к груди, не сводя с деда глаз, долго пятилась спиной, затем повернулась и побежала, не чувствуя боли в ноге.

Диакон подошёл к краю вагона, глянул на ту сторону путей. Освещая груду неподвижных тел, сквозь облако пулемётного дыма пробивалась луна. Её свет вспыхивал в разных местах короткими бликами, отражая золото погонов. Отец Владимир перекрестился. Как заворожённый, спотыкаясь и не глядя под ноги, двинулся вперёд.

Перед рельсами, на которых стоял состав, ноги остановились сами, будто упёрлись в невидимую преграду. Вид сотен мёртвых людей, которые всего несколько минут назад двигались, разговаривали и чувствовали, был жуток. Диакон упал на колени, поднял глаза к небу, закричал, отгоняя ужас тишины:

— Непобедимый, непостижимый и крепкий во бранех Господи Боже наш! Ты, по неисповедимым судьбам Твоим, овому посылаеши Ангела смерти под кровом его, овому на селе, овому на мори, овомуже на поле брани от оружий бранных, изрыгающих страшныя и смертоносныя силы, разрушающия телеса, расторгающия члены и сокрушающия кости ратующих; веруем, яко по Твоему, Господи, премудрому смотрению, такову приемлют смерть защитники веры и Отечества. Молю Тя, Преблагий Господи, помяни во Царствии Твоем православных воинов, на брани убиенных, и приими их в небесный чертог Твой...

Осеняя себя крестными знамениями и припадая к земле, он снова и снова обращал глаза к чёрному небу в необъяснимой уверенности, что вот уж теперь-то Он должен всё увидеть и обязательно сойти.

Неожиданно отец Владимир замер: от горы расстрелянных донёсся стон. Священнослужитель вскочил, заметался среди безжизненного навала. Приподнимал и переворачивал ещё не остывшие трупы в пропитанных кровью кителях, вглядывался в лица. Нет... Через некоторое время стон повторился, и снова наступила тишина. Диакон Владимир продолжил поиски, но безрезультатно. Чудом выжившего офицера он нашёл не скоро, с трудом вытащив поручика Ледневского из безжизненной груды мёртвых тел.

Диакон рванул подол рясы, осторожно отёр кровь с его лица, приподнял голову. Поручик задышал уверенней, открыл глаза. Долго всматривался, собравшись с силами, выдохнул:

— Я... понял... Теперь понял...

— Нельзя говорить… нельзя…

— Он знал... знал, что нас расстреляют...

— Кто?

— Тот... в шарфе... Отпустите грехи, батюшка...

— Молчи! Ты нагрешить не успел. Не пришёл твой черёд...

Диакон оттащил поручика в сторону, осмотрел. Ранений было много. Отец Владимир

кинул взгляд на распростёртые тела — живых там уже не было.

— Сейчас... У меня телега недалеко. Полежи.

Он бросился через рельсы на ту сторону, к вагону. Лошадь приветственно заржала, натянула поводья.

— Ну-ну, Гроза, стой! — диакон торопливо скидывал дрова на землю. — Сейчас поедем, сейчас... Так легче будет, а то вон рельсов-то сколько... И дрова, может, ещё заберём, кто их тут углядит, ночью.

Освободив телегу, он взял лошадь под уздцы, повёл вдоль состава, пока не нашёл широкое пространство между вагонами для перехода на ту сторону. Через рельсы Гроза брела неуверенно, с опаской. Когда колёса подкатывали к очередной железной преграде, останавливалась, думала, что приехала, но диакон всё тянул её, разговаривал, просил, и она шла дальше.

Раненый был без сознания. Диакон припал к сердцу, услышал слабые толчки.

— Помоги, Господь! — поднял офицера и уложил на телегу.

Накрыв раненого попоной, он перекрестил поручика, огляделся по сторонам, с трудом переводя дыхание.

— Ну, Гроза, домой. Ступицы б не подвели...

Услышав знакомое слово, лошадь миновала все железные переплетения, ни разу не остановившись, и вступила на привычную почву. Не ожидая понукания, ходко пошла

вперёд — домой же.

Исчез кустарник, сопровождавший рельсы по правой стороне; можно было уйти от железнодорожного полотна. Спускаясь вниз, диакон чуть попридержал вожжи, чтобы уменьшить тряску и телега покатила по наезженной колее.

Москва, 1931 год.□□□□

Иофан толкнул тяжёлую дверь, и майское солнце нестерпимо ударило в глаза. Выйдя наружу, прислонился спиной к полотну, задышал глубоко и жадно; в просторном полутёмном кабинете ощутимо не хватало воздуха. Особенно когда ему сообщили то, чего он никак не ожидал услышать. Стоило огромного труда промолчать, не удивиться, не начать возражать, а продолжать слушать.

Архитектор поймал подозрительный взгляд часового красноармейца, стоящего у двери здания на противоположной стороне. Подумалось, что там, за воротами, воздуха должно быть больше, и он быстро зашагал по брусчатке к выходу.

На проходной начальник караульной смены долго рассматривал его пропуск — небольшой картонный прямоугольник с печатью канцелярии и паучьей подписью внизу. Затем, переводя глаза с фотографии в пропуске на человека, который стоял напротив, он занялся изучением сходства лица с фотографией в документе, хотя всего час назад этот человек уже стоял перед ним, чтобы попасть внутрь.

— Что-нибудь не так? — не сдержался Иофан.

— У кого? — бесстрастно поинтересовался военный, не поднимая глаз на архитектора.

— Там, в документе, — уточнил Иофан.

— В документе не может быть «что-нибудь», а тем более «не так», товарищ Ияфан, — коверкая фамилию, откликнулся военный и поднял глаза на Иофана. — Куда-то торопимся?

— Просто поинтересовался. Я недавно входил и подумал, что вы меня запомнили.

— Это Кремль. Порядок есть порядок.